

в качестве ЛГБТК+. В данных замечаниях также указывалось на тот факт, что внесенные в законодательство изменения являются размытыми и не позволяют конкретно определить, что непосредственно понимается в РФ под пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений [3, р. 341–342].

Это, очевидно, не соотносится с осуществлением государством обязательств по уважению права на сохранение индивидуальности и вызовет лишь усиление в обществе нетолерантности, которая может привести к принуждению детей к прохождению репаративной терапии.

Соответственно, сексуальная ориентация и гендерная идентичность – неотъемлемые характеристики права на сохранение индивидуальности ребенка, поскольку они являются проявлением внутреннего самоощущения и самоопределения лица, изменение которых искусственным путем невозможно.

Литература

1. Заключение общего порядка № 14 Комитета по правам ребенка от 29 мая 2013 г. «О праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/CRC/C/GC/14>. – Дата доступа: 24.04.2022.

2. Convention on the Rights of the Child adopted by the United Nations General Assembly resolution 44/25, November 20, 1989 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/EN/professionalinterest/pages/crc.aspx>. – Date of access: 24.04.2022.

3. Sandberg, K. The Rights of LGBTI Children under the Convention on the Rights of the Child / Kirsten Sandberg // Nordic Journal of Human Rights. – 2015. – 33 (4). – P. 337–352.

4. О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

Стадия переговоров в гражданском праве: вопросы совершенствования законодательства

*Кругликов Б. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Ананич С. М., канд. юрид. наук, доц.*

Заключению договоров, особенно опосредующих сложные и содержащие элемент риска отношения, всегда предшествуют переговоры. Содержание переговоров, формулировки в черметах договоров зачастую влекут за собой юридические последствия для сторон.

В гражданском законодательстве Республики Беларусь нормы о переговорных отношениях сторон отсутствуют. Самое близкое по смыслу – это институт предварительного договора. Так, статья 399 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) устанавливает, что по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. Относительно содержания такого договора ГК предписывает, что он должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также другие существенные условия основного договора, а также срок, в который стороны обязуются заключить основной договор (если не определен – в течение года с момента заключения предварительного договора). В случае уклонения стороны от заключения основного договора, у другой стороны в соответствии с пунктом 4 статьи 415 ГК возникает право обратиться в суд с требованием о понуждении уклоняющейся стороны к заключению основного договора. Обязательства по предварительному договору прекращаются в случае бездействия сторон до окончания предусмотренного срока относительно заключения основного договора [1]. В. В. Саркисян отмечает, что, хотя и предварительный договор, и переговоры о заключении договора относятся к так называемым организационным отношениям, они имеют отличия. Переговорам не присущи следующие признаки предварительного договора: 1) участники переговоров не могут быть принуждены к вступлению в договорные отношения, поскольку правила о ведении переговоров применяются независимо от заключения или незаключения договора; 2) аналогичность формы предварительного и основного договора; 3) наличие срока для заключения основного договора; 4) прекращение обязательств из предварительного договора в силу бездействия сторон [2].

В этой связи, уместным представляется проанализировать статью 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. При вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. Недобросовестными действиями предполагаются: 1) допущение вступления в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной; 2) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны; 3) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно

этого ожидать. Недобросовестная сторона обязана возместить другой стороне причиненные убытки [3]. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 29.01.2020 по делу № 305-ЭС19–19395 (Определение) разъяснил, что проведение переговоров будет также считаться недобросовестным, когда стороны переговоров заключили соглашение о порядке ведения переговоров, в котором предусмотрели условие об эксклюзивности переговоров только с одним контрагентом, и впоследствии вторая сторона нарушила его. Суд также отметил, что сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности факты: 1) прекращения переговоров без объяснения причин; 2) прерывание переговоров на поздней стадии; 3) переговоры лица с несколькими контрагентами и выбор одного из них; 4) умолчание о параллельных переговорах в отсутствие условия об эксклюзивности; 5) отсутствие предложения заключить сделку на условиях, предложенных другим контрагентом [4]. Также устанавливается обязанность не раскрывать конфиденциальную информацию, а в противном случае – возместить соответствующие убытки. Правила о возмещении убытков не применяются к потребителям. Наконец, стороны могут заключить соглашение о порядке ведения переговоров, конкретизирующее требования к добросовестному ведению переговоров, устанавливающее порядок распределения расходов для ведения переговоров и иные подобные права и обязанности. Соглашение может предусматривать неустойку за нарушение его положений. Условия соглашения о порядке ведения переговоров, ограничивающие ответственность за недобросовестные действия сторон соглашения, ничтожны. Данные правила применяются независимо от того, был ли заключен сторонами договор по результатам переговоров [3].

На наш взгляд, перспективы развития института переговоров о заключении договора в белорусском праве есть. Так, в Проекте Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь», вносящем изменения в ГК, принятом Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении 22.12.2021 (Проект), содержится идентичная статье 434.1 ГК РФ норма [5]. Следует отметить прогрессивность и целесообразность данного подхода с точки зрения, во-первых, гармонизации законодательства в рамках Евразийского экономического союза, а во-вторых, обеспечения эффективности и прозрачности отношений между контрагентами. В значительном количестве договорных отношений преддоговорная стадия имеет определяющее значение. Франчайзинговым отношениям должно предшествовать так называемое преддоговорное раскрытие информации, в соответствии с которым стороны (как правило, франчайзер) обязаны предоставить определенный перечень информации перед заключением договора. Наиболее исчерпывающий перечень содержится в Типовом законе УНИДРУА «О раскрытии информации о франшизе» (Типовой закон) [6]. Стороны могли бы, находясь в стадии

переговоров, заключить соглашение о порядке их ведения, предусматривающее предоставление франчайзером определенной информации франчайзи, а также ответственность за недобросовестное поведение сторон, руководствуясь Типовым законом.

По мнению автора, норма, содержащаяся в Проекте, подлежит уточнению. Во-первых, необходимо разъяснить, что законодатель понимает под убытками. Так, согласно статье 14 ГК, под убытками понимаются реальный ущерб и упущенная выгода. Возникает вопрос о применимости упущенной выгоды, в частности пункта 4 статьи 364 ГК о том, что при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. Е. Б. Подузова отмечает, что как упущенная выгода теоретически может квалифицироваться упущенная возможность заключить договор с третьими лицами, однако остается неясным механизм доказывания ее размера, поскольку договор с третьим лицом не планировался к заключению [7]. На наш взгляд, законодателю следует разъяснить, что упущенная выгода может существовать в вышеупомянутой форме при соблюдении двух критериев: 1) отсутствие условия об эксклюзивности переговоров с одним контрагентом; 2) факт ведения или приготовления к ведению переговоров с иным контрагентом. Размером такой упущенной выгоды может считаться стоимость предмета договора, переговоры о заключении которого планировались с иным контрагентом. Во-вторых, необходимо расширить примерный перечень недобросовестных действий, используя опыт применения российского гражданского законодательства, закрепленный в Определении.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Саркисян, В. В. Соотношение института переговоров о заключении договора с конструкцией предварительного договора / В. В. Саркисян // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 3.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18.12.2006 г. № 230-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г. – Ч. 1. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
4. Дело № 305-ЭС19-19395 [Электронный ресурс] : определение Верховного Суда Российской Федерации, 29 янв. 2020 г. – Режим доступа: https://f.datsrvr.com/fr1/220/30998/A40-98757-2018_20200129_Opredelenie.pdf. – Дата доступа: 29.04.2022.

5. Об изменении кодексов [Электронный ресурс] : проект Закона Республики Беларусь : внесен Советом Министров Респ. Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2021029011>. – Дата доступа: 29.04.2022.

6. Model franchise disclosure law (2002) [Electronic resource] : Model law // UNIDROIT. – Mode of access: <https://www.unidroit.org/instruments/franchising/model-law/>. – Date of access: 28.04.2022.

7. Подузова, Е. Б. Защита прав сторон организационных отношений: проблемы теории и практики / Е. Б. Подузова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94).

Обман и насилие как условия признания сделки недействительной в римском частном праве и праве Республики Беларусь: сравнительный анализ

*Маглыш А. А., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Павлова Т. Я., канд. ист. наук, доц.*

Сложности регулирования гражданских правоотношений – следствие абстрактного понимания ряда правовых явлений. Одним из предметов спора можно назвать такое понятие как «недействительность» сделки. Как правило, мнение специалистов в области гражданского права таково, что в договорах или сделках, так или иначе, выражается воля сторон (вне зависимости от количества сторон) [1, с. 181]. Однако имеют место случаи, при которых происходит несовпадение волеизъявления субъекта и его воли – сделки с пороками воли. Под пороком воли можно понимать несоответствие друг другу волеизъявления (объективной стороны) и воли (субъективной стороны) лица (субъекта), вступающего в сделку [2].

Наличие порока воли приводит к возникновению заблуждения. Помимо заблуждения, в качестве одного из оснований для признания недействительности сделки признается обман. Такие явления как заблуждение и обман в первую очередь следует рассматривать с точки зрения римского частного права, принимая во внимание высокую степень разработанности института договорного права в Древнем Риме [3, с. 14].

В римском частном праве, в отличие от современного, отсутствовало разграничение заблуждения и обмана. Такое явление носило название «*dolus*» или «*dolus malus*» (злой умысел). Аквилей Галл понимал под *dolus* лживое представление, воплощенное в сделке («*cum esset aliud simulatum, alium actum*») (цит. по Д. В. Дождеву) [4, с. 141]. Выделяют такие категории *dolus*, как введение в заблуждение при заключении сделки, нарушение